

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РАСШИФРОВЫВАНИЕ АХМАТОВСКОЙ ТАЙНОПИСИ

С.И. КОРМИЛОВ
МГУ имени М.В. Ломоносова

Владимир Мусатов. «В то время я гостила на земле...». Лирика Анны Ахматовой. М.: Азбуковник, 2016. 640 с.

Монография замечательного специалиста по литературе первой половины XX века Владимира Васильевича Мусатова (1949–2003) вышла посмертно, в 2007 году. В переиздании не сказано, что это издание не первое, лишь на обороте титульного листа *«редакция благодарит О.С. Бердяеву-Мусатову за предоставленные материалы и участие в осуществлении проекта трехтомного издания научных трудов В.В. Мусатова»* (с. 2). Между тем перепечатка литературоведческих работ, да еще в трех томах, — дело очень редкое, а незаконченной книги — уникальное. Но оправданное.

Публикацию предваряют два предисловия, написанные редактором Е.М. Табориской и специалистом по поэзии Серебряного века В.Н. Альфонсовым. Оба уверены в том, что даже незавершенный труд Мусатова достоин внимания читателей, и вместе с тем не ограничиваются похвалами безвременно умершему автору, что тоже свидетельствует о качестве этого научного издания. Научного, но и просто человечески значимого. «Мусатов со страстью и даже с пристрастностью относился к героям своих книг. На стадии окончательной отделки он, безусловно, заботился об объективности своих суждений, о корректности аргументации. Однако на более ранних этапах работы его пристрастность могла брать верх и над объективностью, и над корректностью» (с. 4–5), — читаем в заметке «От редактора». Например, придирки к «Реквиему» (за «семнадцать месяцев» Ахматова маловато простояла в тюремных очередях — «триста часов», поэму знали единицы ее друзей, стало быть, не мог устами поэта кричать «стомильонный народ») говорят все же «не о небрежности, наивности или литературоведческой некомпетентности» исследователя, а «о его страстной требовательности к любому слову высоко им ценимого автора» (с. 5). У нас почти всегда о мертвых, будь то писатель, будь то ученый, «или хорошо, или ничего». Это, может быть, и нравственно (хотя как сказать), но ненаучно. Во втором, более обстоятельном, предисловии («О последней книге В.В. Мусатова») про монографию сказано: «Какие-то ее идеи, можно

предположить, вызовут полемику, тем более что и сам В.В. Мусатов в отдельных случаях позволяет себе не очень выверенные полемические выпады. Главное в другом. Книга располагает к размышлению — по разным поводам и направлениям» (с. 12). Выделены ее наиболее значимые позитивные идеи, в том числе та мысль, что символизм «не был “преодолен” Ахматовой уже в ранний период» (намек на статью В.М. Жирмунского об акмеистах «Преодолевшие символизм» 1916 года). «Скорее наоборот — символическое наполнение поэтической образности шло у нее по нарастающей. Суть, разумеется, не в «возврате» к символизму как направлению. Суть в определенных свойствах личности Ахматовой, ее тяге к провиденциальному, чувстве таинства бытия и в тайне самой поэзии.

“Эта книга — не биография Анны Андреевны Ахматовой”, — заявляет В.В. Мусатов в самом начале. И — строит свое исследование на основе биографии» (с. 10–11), — как бы поправляет его В.Н. Альфонсов, но объясняет, что ученого «интересуют не только истоки творчества — ему важен результат, тот поэтический миф, который создавала Ахматова из своей жизни. В этом мифе многое остается тайной, и тайна далеко не всегда поддается разгадыванию, а порою и принципиально не нуждается в нем», поскольку поэт «ведет с читателем продуманную “игру” и создает “форму”, которая шире конкретной поэтики, — форму на уровне миропонимания» (с. 11). Так, в ахматовской любовной лирике ученый «прослеживает чрезвычайно значимый мотив неустрашенности, отсутствия, непарности — «Нечет» («Я любимого нигде не встретила...», «Мне подменили жизнь... Я не в свою, увы, могилу лягу»). И Гость из будущего в «Поэме без героя», по словам В.В. Мусатова, «так и остался “непришедшим”». Религиозный смысл этого мотива заключается в том, что «отсутствие» означает наличие иного масштаба, недостижимой цели, а положение героини трактуется как испытание, кара и вместе с тем как предназначение, избранничество» (с. 12), — заключает истолкователь идей, содержащихся в книге.

Биографический миф как художественный образ, безусловно, существует. Но, по словам Мусатова, «стихи Ахматовой всегда оказываются более точными, чем “факты”» (с. 144). О том же писала в мемуарах близко знавшая Ахматову Э.Г. Герштейн: «Стихотворная форма точнее выражала ее сокровенное сознание, чем проза. Об этом часто говорила она сама, и письменно, и устно» [3: С. 470]. В ее стихах сразу предстала, как выразился В.Я. Брюсов, оценивая первый ахматовский сборник «Вечер», «характерно современная женщина» [1: С. 368]. Она оказалась современницей века вопреки заявлениям большинства советских и многих эмигрантских критиков об устарелости ее поэзии. Автор «Мужества» военных лет вообще проявила себя как более мужественный и стойкий человек, чем практически все ее великие писатели-современники, хоть на чем-нибудь да сломавшиеся. То, для чего Д.Л. Быкову в раздутой (хотя, конечно, интересной) книге о Маяковском понадобился раздел «Невротик» в несколько страниц [2: С. 81–85], Мусатов выразил одной фразой: «Только в искривленном зер-

кале этой эпохи Ахматова с ее железной волей и потрясающем терпением могла восприниматься как автор мало кому сегодня интересных «интимных» стихов, а слабовольный и неврастенично-хрупкий Маяковский — как выразитель небывалой новизны своего времени» (с. 580–581). Вместе с тем ахматовская поэзия не замыкается в рамках какой-то одной эпохи, сколь угодно большой, и определенного пространства. За границу Анна Андреевна выезжала лишь в молодости и перед смертью, почти всю жизнь была невыездной, но, напоминает исследователь, кстати, выпустивший и книгу об О.Э. Мандельштаме, ей «нравилось мандельштамовское определение акмеизма как “тоски по мировой культуре”» (с. 37). Правда, символисты, от которых откололись акмеисты, «тосковали» о том же, но, пережившая всех своих коллег по поэтическому цеху, она сохраняла культурную традицию Серебряного века в целом.

В 10–20-е годы ее стихи часто сопоставляли с прозаическими новеллами и даже романами. Но Мусатов готов спорить с кем угодно. Он акцентирует драматическое начало в этой лирике, поразившей читателей своей необычностью, развивая в противовес прежде всего Б.М. Эйхенбауму некоторые соображения В.В. Виноградова. Что ж, диалогов в коротких стихотворениях до Ахматовой действительно практически не было, и напряженного драматизма, даже трагизма у нее хватало. Тем не менее в главном полемист и те, с кем он спорит, совпадают. Все видят в ахматовских стихах некие межродовые сдвиги. Среди поздних есть цикл «Эпические мотивы», однако никто не говорит, что это эпос как таковой, и Мусатов тоже, а, между прочим, названием его книги служит первая строка именно этого цикла; ее подзаголовок — «Лирика Анны Ахматовой», но самая объемистая глава в ней — подробнейший до сего дня разбор «Поэмы без героя», которую нельзя же считать просто растянутым лирическим стихотворением, напомним хотя подзаголовок ее первой и наиболее важной, стержневой части — «Петербургская повесть», как в «Медном всаднике» Пушкина. Ахматова согласилась с отзывом «одного молодого поэта», сказавшего: «Для меня ваша “Поэма” где-то возле “Двенадцати” Блока» [5: С. 228]. Приведя эту цитату, Мусатов, как бы специально для того, чтобы утвердить свой подзаголовок, относит обоих поэтов только к лирикам: «Оба они — автор “Двенадцати” и автор “Поэмы без героя” — входили в историю русской поэзии как два величайших лирических поэта XX столетия» (с. 502). А ведь Блок считал собрание своей лирики романной трилогией в стихах! И далее Мусатов, вновь обращаясь к Мандельштаму с присущей его творчеству включенностью «личного переживания в ассоциативное (и ахронное) поле “мировой культуры”» (с. 571), по сути, признает недостаточность однозначных родовых определений по отношению к таким поэтам XX века, как Блок, Ахматова или Мандельштам: «Лирика в таком понимании становилась “большой формой”, и поэтому у Мандельштама никогда не было тяготения к жанру поэмы» (там же). Ассоциативность заменяла сюжетность, то есть возникал не то чтобы совсем эпос, но нечто *вместо* эпоса и все же не

просто лирика или драма. В XIX веке межродовое взаимодействие осуществлялось главным образом на основе сложения: к эпическому повествованию добавлялись лирические отступления. У лучших поэтов века XX преобладает родовое взаимопроникновение: словно в результате химической реакции появляется не то и не другое, а третье, совсем иное. Не будучи теоретиком литературы, Мусатов не сделал этого вывода, но его историко-литературные исследования близко к нему подводят.

В.Н. Альфонсов справедливо назвал Блока вторым главным героем представляемой книги (с. 9). Ахматову раздражали слухи об их «романе», она не раз их опровергала и, по-видимому, добилась того, что роль главного поэта Серебряного века в ее духовной и творческой жизни для читателей оказалась приниженной. У Мусатова целая глава из шести (последняя только начата) — это «Сон о Блоке», постоянно появляется он и в других главах. В «Поэме без героя» он предстает как «Демон сам с улыбкой Тамары», персонификация предреволюционного Серебряного века, столь же великого, сколь и кризисного. Не играя собственно сюжетной роли, Блок-Демон становится высоким символом грядущих катастроф. Да, конечно, это не рядовой образ среди многочисленных других, мелькающих в первой части поэмы. Данная трактовка и еще некоторые вполне убедительны. Но все-таки этот призрак мерещился увлекающемуся литературоведу слишком часто, чуть ли не в любых обликах: и рыбака с закатанными рукавами («Рыбак»), и царевича в поэме «У самого моря», и второго из двух «любowników», из которых первый — бронзовый памятник на площади, то есть Пушкин. Кого, кроме Блока, можно поставить рядом с ним? Как будто Ахматова мужчин только за стихи ценила. Мусатов не отрицает того факта, что больше всего ее любовных стихотворений посвящено Б.В. Анрепу: «Если дружба с Н.В. Недоброво помогла Ахматовой самоутвердиться как поэту, то роман с Б.В. Анрепом дал ей необходимый жизненный материал для продолжения любовного лирического сюжета» (с. 256). Этот офицер и художник-мозаичист стишки пописывал, но лучше бы воздерживался. Недоброво, на свою голову познакомивший друга с Ахматовой, которой тот приглянулся больше, чем он, был более одаренным поэтом, но тоже не ее уровня. А статью, пророчески предсказавшую ей поистине героический путь в поэзии, она, как доказывает Мусатов, по-настоящему оценила гораздо позже, накануне Великой Отечественной войны. То же относится к оценке влияния Ин. Анненского на ее творчество. Мусатов смело опровергал положения, до него казавшиеся аксиомами ахматоведения, ведь они обычно восходят к высказываниям самой Анны Андреевны. А в разные периоды долгой жизни не всё прошедшее осознается одинаково. Конечно, исследователь прав, стараясь разобраться в ахматовском биографическом мифе, хотя, пожалуй, увлекается и тут: думается, как Анненский, так и Недоброво изначально значили для Ахматовой пусть меньше, чем было принято считать, но все-таки побольше, чем получилось у полемиста.

В чем с ним не стоит спорить — это в объяснении ее судьбы после революции. Еще в начале 20-х она была колоссально популярна, но ближе к середине десятилетия, по собственным словам Анны Андреевны, началась травля, выжить при которой казалось невозможным. Это преувеличение. Во-первых, сначала об истощенности творчества Ахматовой заговорили культурно близкие ей критики и поэты, недавние единомышленники. Во-вторых, даже «пролетарские» критики относились к ней не хуже, чем ко многим другим: для них ахматовская поэзия была чуждой, но политически не опасной. А вот писать на *нужные, современные*, то есть *революционные*, темы, угождать новой публике для такого человека и поэта было органически невозможно. Ахматова *сама* надолго выпала из литературы.

Почему же в 1939 году Сталин вдруг о ней вспомнил? В.В. Мусатов считает, что он (во всяком случае тогда) понимал, кто чего стоит в поэзии, и предпочитал не уничтожать, а приручать талантливого человека, заставляя его работать на себя, побеждать морально. С Пастернаком это поначалу удалось. Мандельштам за страшные антисталинские стихи в 1934 году был наказан мягко (по мнению Э.Г. Герштейн, он и потом мог бы спастись забвением, как Ахматова, да лез на глаза писательской братии, которой куда спокойнее было избавиться от этого коллеги [3: С. 457, 464, 467]). Но Пастернак ушел в переводы, Мандельштама (по предположению той же Герштейн) вылавливать из колоссального потока осужденных вождю уже было недосуг, он и попытался обработать Ахматову. Она сделала единственную уступку — написала к десятилетию смерти революционного поэта стихотворение «Маяковский в 1913 году». Этого оказалось недостаточно: не про Сталина же. Отсюда все последующие мытарства Ахматовой и особенно Льва Гумилева. Предчувствуя его третий арест в 1949 году, она начала писать официозный цикл «Слава миру» — к 70-летию юбилею Сталина. Ее не арестовали, хотя чекисты этого не раз добивались, Лёву не расстреляли, но и не выпустили. «“Поэтесса-старуха” перестала упрямиться и согласилась работать на власть» (с. 595–596). Она поступила как мать, иначе не спасла бы жизнь сыну. А Сталина победа над несчастной, больной, всесоюзно ошельмованной женщиной не удовлетворила. «В искренность ее намерений, как и в ценность ее новых стихов, вождь вряд ли верил. И был, разумеется, совершенно прав» (с. 596). Только что это тогда за победа?

Е.М. Таборисская и В.Н. Альфонсов не во всем солидарны с рекомендуемым автором, вероятно, в подражание ему же. Он не всегда на стороне своей героини, и не только как поэта, в чем-то его не устраивающего, но и тогда, например, когда гордая женщина не захотела простить В.Г. Гаршина, за которого собиралась выйти замуж по возвращении из эвакуации в 1944 году и который не оправдал ее ожиданий; а он «был виноват только в том, что вовремя понял невозможность их жизненного союза» (с. 536). Мусатову больше нравится Ахматова, способная изменяться. Не к одному лишь М.А. Кузмину она, видимо, подобрела в старости. «В отличие от Ахматовой 1922

года, Ахматова 1959 года, пережившая сталинский террор и войну, изменила свое отношение к эмиграции. Она поняла, что для многих ее современников (в том числе и Лурье) отъезд оказался спасением. Так возникала тема радости Мелхолы, спасшей Давида от насильственной смерти» (с. 318). Это в «Библейских стихах». Впрочем, Анна Андреевна с самого начала дифференцировала эмиграцию на тех, кто добровольно «бросил землю / На разтерзание врагам», и «изгнанников», прежде всего высланных в 1922 году на «философском пароходе». Этот казалось бы очевидный факт практически никто не учитывает, а не один Мусатов, безосновательно относящий к сбежавшему Артуру Лурье (композитору, прототипу царя-музыканта Давида) ахматовское слово «изгнанник» (с. 312). Зато он откровенно и глубоко объясняет, что этому предшествовало и что за этим последовало: «Взаимоотношения с Лурье давали Ахматовой возможность изобразить любовь в аспекте сознательно избранного греха, который ее героиня совершает с «легкостью проклятой», отвергая суд по «земным законам» и признавая над собой только Высшую Инстанцию. Здесь уже намечены важнейшие контуры центральной коллизии “Поэмы без героя”» (с. 314).

Ахматова непомерно преувеличивала роль в своей судьбе посещения ее в 1945 году секретарем английского посольства Исайей Берлином, которого в детстве родители вывезли из России, даже считала свои встречи с ним поводом для развязывания холодной войны. В.В. Мусатов резонно спрашивает: почему кара (постановление ЦК о ленинградских журналах) последовала почти через год, и «какие государственные тайны она могла раскрыть “иностранным шпиону”?» (с. 590). Причиной было ее «нежелание творчески перестраиваться» (там же). Таких убедительных объяснений в книге немало. Но можно в ней встретить и такое, чего автор явно не успел объяснить или даже обдумать. «Биографические прототипы мужской партии в этом сюжете, — писал он о “сюжете” любовной лирики Ахматовой, — выбывали из эпохи по разным причинам: кто был убит, подобно Гумилеву или Герасиму Фейгину; кто задохнулся, подобно Блоку; кто оказался в эмиграции, как Анреп или Лурье» (с. 354). Больше о Г. Фейгине в книге ни слова. Мало кто знает, что Ахматова восхищалась русским патриотизмом этого еврея, пошедшего добровольцем на фронт и погибшего [4: С. 257–262], когда русские офицеры Гумилев и Анреп в войне уже разочаровались. Если еще можно спорить насчет того, является ли блоковская тема у нее собственно любовной, то «фейгинская» (в двух стихотворениях) точно не является.

Есть в книге и другие ошибки, в том числе в цитатах: «беличья распластанная шкурка» (с. 205) вместо «расстеленная» или «*тронул мои колени / Своей недрогнувшей рукой*» (с. 67) вместо «почти недрогнувшей»; критик Д.П. Святополк-Мирский дважды назван Д.С. Святополк-Мирским (с. 244) — он подписывался как Д.С. Мирский, но имея в виду под С. первую часть двойной фамилии, а не отчество; «Георгий Лелевич» (с. 338) был на самом деле Г. Лелевич, точнее, Лабори Гилелевич Калмансон, образо-

вавший свой псевдоним из отчества (что верно отмечено в «Указателе имен» на с. 634), и т. д. К сожалению, во второе издание монографии не перенесен из первого «Указатель произведений А.А. Ахматовой». Устранены опечатки, бывшие в первом издании, но не все. Выпуская такую ценную книгу покойного ученого, редактору не следовало ограничиваться вступительной заметкой «От редактора».

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюсов В. Сегодняшний день русской поэзии (50 сборников стихов 1911–1912 гг.) // Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты. Статьи. Рецензии. М.: Советский писатель, 1990. С. 362–376.
2. Быков Д. Маяковский. Трагедия-буфф в шести действиях. М.: Молодая гвардия (Жизнь замечательных людей), 2016. 720 с.
3. Герштейн Э. Мемуары. М.: Захаров, 2002. 768 с.
4. Кравцова И. Об одном адресате Анны Ахматовой // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 257–262.
5. Чуковская Л. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Арт-Флекс, 2001. 688 с.

Ախմատովայի ծածկագիտության գաղտնագրծումը
Ս.Ի. ԿՈՐՄԻԼՈՎ
Լոմոնոսովի անվան Մոսկվայի պետական համալսարան

Владимир Мусатов. «В то время я гостила на земле...». Лирика Анны Ахматовой. М.: Азбуковник, 2016. 640 с.

Deciphering the Akhmatov's Secret Records
S.I. KORMILOV
Lomonosov Moscow State University

Владимир Мусатов. «В то время я гостила на земле...». Лирика Анны Ахматовой. М.: Азбуковник, 2016. 640 с.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 30 июня 2017 г., подписана к печати 26.12.2017 в номер 2 (111) / 2018.